



Munich Personal RePEc Archive

Post-institutionalism: Beyond the Institutional Mainstream

Frolov, Daniil

Volgograd State University

7 August 2018

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/90287/>
MPRA Paper No. 90287, posted 30 Nov 2018 19:15 UTC

Постинституционализм: за пределами институционального мейнстрима

Д. П. Фролов

Волгоградский государственный университет

Аннотация

В статье рассматривается внутренний дуализм институциональной экономики на современном этапе ее развития, связанный с разделением ортодоксального течения (мейнстримного институционализма, аксиоматика и догматика которого представлена Стандартной моделью) и его оппозиции, позиционирующей себя как постинституционализм. Обсуждается повестка дня перспективных постинституциональных исследований, затрагивающая широкий круг дискуссионных вопросов за рамками Стандартной модели – от изучения институциональной сложности до внедрения парадигмы эво-дево в эволюционный анализ институтов. Показано, что в фокусе постинституционализма находятся сверхсложные институциональные системы (ассамбляжи) и связанные с ними явления и процессы (бриколаж, клуджи, аномалии, конфигурации), осмысление которых требует преодоления односторонних и дихотомических подходов институционального мейнстрима.

Ключевые слова: институты, институциональная эволюция, институциональная сложность, транзакционные издержки, ассамбляжи, бриколаж, постинституционализм.

JEL: A14, B41, B52.

Post-institutionalism: Beyond the institutional mainstream

D. P. Frolov

Volgograd State University

Abstract

The paper examines the internal dualism of modern institutional economics manifested in division of orthodox or mainstream institutionalism (its axiomatics and dogmatics is represented by the Standard Model) and its opposition – post-institutionalism. It discusses the post-institutional agenda, covering a wide range of discussion issues beyond Standard Model – from the analysis of institutional complexity to introduction of the Evo-Devo paradigm into evolutionary research of

institutions. It demonstrates that in the focus of post-institutionalism there are super-complicated institutional systems (assemblages) and related phenomena and processes (bricolage, kludges, anomalies, configurations), which can only be comprehended by overcoming unilateral and dichotomous approaches of the institutional mainstream.

Keywords: institutions, institutional evolution, institutional complexity, transaction costs, assemblages, bricolage, post-institutionalism.

JEL: A14, B41, B52.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-010-00832).

Введение

Самой главной ложью была карта:
ведь что такое карта, как не способ
подчеркнуть одни вещи и скрыть другие?
Дж. Вандермеер

Структура экономической науки чаще всего описывается с помощью дуалистической модели, в которой мейнстрим (или ортодоксия) в лице неоклассической экономики условно противостоит гетеродоксии во главе с институционализмом. Ограничения такого подхода очевидны и связаны в первую очередь с абстрагированием от внутренней неоднородности этих научных парадигм: с одной стороны, не учитываются различные «еретические» течения в мейнстриме, с другой, – игнорируются ортодоксальные версии гетеродоксальных направлений. Эти вопросы практически не привлекают внимания исследователей, что крайне обедняет понимание реальной сложности и логики эволюции современного экономического знания. Случай институционализма является в этом смысле показательным.

Институциональная экономика в ходе всей своей истории неизменно противостояла неоклассическому мейнстриму, а с 2000-х гг. с полным основанием претендует на статус нового мейнстрима экономической науки. Однако мейнстримизация любого научного направления всегда приводит к формированию его упрощенной и конвенционально поддерживаемой версии – назовем ее Стандартной моделью по аналогии с физикой элементарных частиц, – которая способствует привлечению неофитов, но принимается далеко не всем исследовательским сообществом¹. В результате мейнстрим неизбежно порождает свою оппозицию (гетеродоксию), развитие которой ведет

¹ Например, сложившаяся в рамках неоклассического направления «стандартная экономическая модель предполагает, что предпочтения индивида неизменны и его полезность зависит лишь от материальных выгод» (Акерлоф, Крэнтон, 2010. С. 108). Многие современные неоклассики уже не придерживаются столь однозначного подхода и разрабатывают модели, базирующиеся на более реалистичных допущениях.

к пересмотру сложившейся аксиоматики и смене парадигм. И институциональный мейнстрим не стал исключением.

Стандартная модель институциональной экономики (далее речь будет идти только о ней) – это комплекс ключевых элементов «жесткого ядра» ее исследовательской программы (аксиом, дефиниций, трактовок, постулатов, гипотез и др.), принятый большинством сообщества институциональных экономистов и практически без изменений транслируемый различным целевым аудиториям (от студентов и аспирантов до представителей других наук, экспертов, политиков и масс-медиа). По сути это – обобщенная институциональная экономическая теория, какой она видится извне ее профессионального научного сообщества, то есть принимаемая «в готовом виде», без учета внутренних дискуссий, деталей и нюансов. Стандартная модель разрушает многие условные границы: например, она эклектично включает в себя элементы методологий старого (оригинального / традиционного) и нового институционализма, которые обычно считаются несводимыми альтернативами. Пластичность Стандартной модели особенно наглядно проявляется при ее адаптации в различных прикладных областях институционального анализа, например в маркетинге (Vargo, Lusch, 2016). При этом Стандартная модель не свободна от внутренних противоречий; она просто консервирует их и закрепляет в наборе конвенций, аксиом и догм².

В каноническом тексте, базирующемся на Стандартной модели, институты – это экзогенно заданные правила, накладывающие ограничения на эгоистичное и оппортунистическое поведение индивидов. Институты являются факторами инерции, с трудом поддающимся управляющим воздействиям, а их эволюция в целом описывается концепцией *path dependence*. Институты имеют ключевое значение для экономического развития, поскольку любые трансакции сопряжены с непроизводительными (трансакционными) издержками, в минимизации которых и состоит главная функция институтов. Организации рассматриваются как «игроки» по установленным «правилам» своей «игры»; изменения этих «правил» находятся вне компетенции «игроков» (за исключением случаев лоббирования группами интересов), взаимодействия «игроков» из разных «игр» малозначимы. Все институты имеют некое оптимальное / нормальное состояние, от которого периодически отклоняются; институциональная экономическая политика направлена на коррекцию возникающих дисфункций (провалов) институтов и возвращение их к начальным условиям. Системное объяснение институциональных изменений невозможно, они могут быть интерпретированы с позиций или микро-, или макрооснований (то есть исходя из методологического индивидуализма или холизма), в связи с чем их единая теория является утопией. Эти и многие

² Составной частью Стандартной модели является так называемый доминирующий или мейнстримный институциональный дискурс (*dominant / mainstream institutional discourse*), который Х.-Дж. Чан связывает с методологией эмпирического анализа взаимосвязи институтов и экономического развития, а также с нормативными выводами новой институциональной экономики (Chang, 2011a), называемой им ортодоксальной (Chang, 2011b. P. 599).

другие постулаты Стандартной модели в современных условиях все очевиднее обнаруживают свою несостоятельность и нуждаются в серьезной ревизии.

Безусловно, нельзя сказать, что приведенное выше представление институциональной реальности в корне неверно, но оно крайне упрощенно и неадекватно описывает сложные институты современных экономических систем. Как и в физике элементарных частиц (Langacker, 2010), Стандартная модель в институциональной экономике не является окончательной теорией, а ведущих ученых в основном интересуют явления, находящиеся за ее пределами (но и они также испытывают давление ее аксиоматики).

Ответом на распространение Стандартной модели институциональной экономики стал постинституционализм.

«Призрак» постинституционализма и его признаки

Впервые термин «постинституционализм» в экономическом дискурсе встречается в статье М. Сигала (Segal, 1986). В ней описывается, как исследователи в области экономики труда в середине XX в. расходились с общепринятыми среди ранних институционалистов точками зрения на фирму и рынок; совокупность их взглядов автор и назвал постинституционализмом³. По странному стечению обстоятельств именно в 1986 г. вышла новаторская работа Д. Норта и Дж. Уоллиса об измерении транзакционного сектора (Wallis, North, 1986), «перезапустившая» теорию транзакционных издержек, а всего годом ранее был издан бестселлер О. Уильямсона «Экономические институты капитализма» (Williamson, 1985), ставший манифестом новой институциональной экономики и создавший мощный импульс ее невероятно активной экспансии. Новый термин оказался несколько преждевременным.

Присуждение Нобелевских премий Р. Коузу и Д. Норту дало старт мейнстримизации институциональной экономики – ее быстрому и триумфальному распространению в глобальном масштабе, проникновению практически во все академические дисциплины и использованию в самых разных областях прикладных разработок и экономической политики. Параллельно происходило формирование Стандартной модели.

Дифференциация многочисленных направлений институциональных исследований и их дисциплинарное разграничение привели к фрагментации институционалистского научного сообщества и *отсутствию единой мета-теоретической рамки, субститутот которой фактически стала Стандартная модель*. Такая ситуация не уникальна: вообще говоря, «типичный» современный экономист не чувствует потребности в общей консистентной картине мира» (Капелюшников, 2018. С. 115), да и в большинстве обществ-

³ Эта статья стала последней работой М. Сигала и увидела свет уже после его ухода из жизни. Существовала ее расширенная версия, на которую ссылался и сам автор, и редакторы; рукопись какое-то время хранилась на факультете экономики Дартмутского колледжа (Ганновер, США), однако была утеряна.

венных наук «становится все сложнее уловить общую форму дисциплины» (Гидденс, Саттон, 2018. С. 9). В результате Стандартная модель не получает особого внимания и, следовательно, не встречает мощной и убедительной критики со стороны узких специалистов. Под действием эволюционных эффектов уровень устойчивости постулатов Стандартной модели непрерывно возрастает.

Главным негативным следствием распространения Стандартной модели стала банализация институционалистской терминологии и вульгаризация институционального подхода. Содержательная «вместимость» термина «институт» одновременно представляет собой и эпистемологическое удобство, и проблему, а его объяснительная сила вызывает все больше сомнений. Масштаб множества явлений, рассматриваемых в качестве институтов, определено не может считаться нормальным (Witt, 2014), более того, этот термин (и вообще терминология институциональной экономики, равно как мантра «институты имеют значение») выступает скорее статусным маркером соотнесения с исследовательским сообществом, нежели сугубо аналитическим инструментом. В рамках Стандартной модели дихотомизация – это основной способ осмысления институциональной сложности, результатом чего являются многочисленные дилеммы теории институтов и институциональных изменений. Конвенции и стереотипы доминирующего институционального дискурса закрепили «эмпирический разворот» исследований и по сути блокировали крупные теоретические инновации. Поэтому формирование «движения сопротивления» Стандартной модели оказалось только вопросом времени. На протяжении 2000-2010-х гг. институционализм уверенно и активно закреплялся в статусе мейнстрима гетеродоксальной экономики, параллельно сближаясь с неоклассикой и соревнуясь с ней в изощренности формальных моделей (Spiegler, Milberg, 2009). На этом фоне поступательно расширялся массив критических исследований, маркером которых стал термин «постинституционализм»⁴.

Первыми в XXI веке поставили вопрос о постинституциональной перспективе Л. Мехта с соавторами, используя этот термин как метафорическое собирательное название альтернативных подходов к институциональному анализу экономики природопользования (Mehta, Leach, Scoones, 2001). Особенно критиковались ими недостаточный учет роли акторов в институциональных изменениях, традиционалистское понимание институтов как статичных и деконтекстуализированных явлений, а также ориентация на выработку универсальных подходов к регулированию различных социально-экологических систем и природных ресурсов любого типа. Но наиболее активное развитие идеи постинституционализма, связанные с пересмотром тео-

⁴ На возникновение концептуальных расхождений между ортодоксальным и гетеродоксальным течениями в институционализме обратил внимание лишь М. Зафировски. К институциональной гетеродоксии он относил критический институционализм, оригинальный институционализм в вебленианской традиции и институциональную «ветвь» экономической социологии (Zafirovski, 2003). Однако в своих дальнейших работах Зафировски не касался этой темы, посчитав ее малоперспективной.

ретических позиций неинституционального направления, получили в работах представителей школы критического институционализма, основанной Ф. Кливе и в значительной степени пересекающейся с ранними идеями Блумингтонской школы Э. Остром.

Теоретическое «ядро» критического институционализма образует концепция институционального бриколажа (bricolage)⁵, под которым понимается процесс непрофессионального создания локальных институтов «снизу» из любых доступных ресурсов (Cleaver, 2001; 2002)⁶. Важным моментом является принципиальный отказ школы Кливе от понятия оптимальности институтов и от попыток объективной оценки их эффективности. Не менее важен разрыв с идеей рационального выбора институтов агентами и с функционалистскими объяснениями институциональных изменений (Cleaver, 2012). Принципиальное значение придается размытости границ и смешанности форм институтов, адаптационным способностям и импровизациям агентов, интерактивности взаимовлияния институтов и агентов (Cleaver, 2007; Arts et al., 2014). Представители школы критического институционализма часто называют свой подход постинституциональным (Cleaver, Franks, 2005) и всегда противопоставляют его мейнстримной институциональной экономике (De Koning, Cleaver, 2012). Но они развивают теорию постинституционализма в довольно редуцированной версии, ограничивая область ее применения только экологической сферой и не выходя на более общие проблемы анализа экономических институтов⁷.

Постинституционализм – пока что фантомное научное течение, находящееся на ранней стадии институционализации и характеризующееся размытой и фрагментарной исследовательской программой, аморфным предметным полем, практически не структурированным сообществом, неявными и маловлиятельными лидерами, периферийным (если не маргинальным) статусом в академической, образовательной и экспертной средах. Скорее даже постинституционализм представляет собой рабочую метафору, характеризующую массив перспективных гетеродоксальных траекторий развития институциональной экономики, связанных с критическим отрицанием методологических догматов и дихотомий мейнстримного институционализма, развитием интегративных подходов и движением к объединительной парадигме институционального анализа. Главное, что объединяет всех постинституционалистов – это их миссия, связанная с кардинальным пересмотром Стандартной модели.

⁵ Термин К. Леви-Стросса, ставший универсальной мультинаучной метафорой (см. подробнее: Johnson, 2012).

⁶ Интересный факт: самая первая статья Ф. Кливе, специально посвященная институциональному бриколажу (Cleaver, 2001), была опубликована в том же номере журнала «IDS Bulletin», в котором вышла и редакторская статья Мехта и соавторов.

⁷ Не случайно в своих последних работах Кливе вообще избегает термина «постинституционализм» (Cleaver, Whaley, 2018), главным образом по причине его интеллектуальной претенциозности.

Повестка дня для постинституциональных исследований

Рассмотрим далее наиболее значимые концептуальные изменения Стандартной модели, очерчивающие контуры перспективной исследовательской программы постинституциональной экономики.

1. *От редуccionистских трактовок институтов – к осмыслению их системной сложности.* В Стандартной модели парадоксальным образом сосуществуют различные моноаспектные и дихотомические интерпретации институтов, образующие экстремально широкий спектр и зачастую считающиеся взаимоисключающими⁸. Так, сейчас доминирует нормативный подход к определению институтов как норм и правил, регулирующих поведение акторов⁹. Альтернативные подходы в лучшем случае рассматриваются в качестве малозначимых «примесей» к основному, что значительно обедняет институциональный анализ. В частности, продолжает оставаться на периферии изучение ментальных институтов и роли когнитивных процессов в институциональной эволюции¹⁰. В этой связи наиболее перспективными становятся *интегративные концепции институтов*, «схватывающие» их комбинаторную природу, акцентирующие полиморфизм и коэволюционную взаимосвязанность различных видовых форм. Особенно важны трактовки институтов, объединяющие *статусно-функциональные* (институты как социально закреплённые за экономическими субъектами, объектами и процессами статусные функции), *нормативные* (институты как правила, нормы и соглашения), *поведенческие* (институты как практики / рутины, то есть опривыченные способы действий), *ментальные* (институты как распространённые модели мышления и принятия решений – эвристики, стереотипы, идеологии и т.д.) и *структурные* (институты как модели организационных структур / форм) интерпретации, которые наиболее часто позиционируются в качестве жестких теоретических альтернатив.

Еще одним экстремальным допущением Стандартной модели является освященное научной традицией одностороннее представление институтов как разнообразных форм ограничений (North, 1990. P. 4), устанавливающих акторам границы допустимого поведения при помощи различных механизмов принуждения. Но рестриктивно-санкционное измерение не является самодостаточным и не исчерпывает многомерности институтов. В русле постинституционализма важен переход от ограничительной трактовки функций институтов к эксплицитной фокусировке на их позитивной стороне. Ведь

⁸ Проблема избыточного многообразия альтернативных или, как минимум, слабо согласуемых определений институтов стала очевидной уже в середине XX века (см., например: Kaplan, 1960) и с тех пор только усугублялась.

⁹ Под акторами здесь понимаются как индивидуальные агенты, так и социальные группы (в том числе организации).

¹⁰ Тем самым игнорируются призывы ряда теоретиков к более комплексному учету убеждений, представлений и других общих ментальных моделей как критически важных факторов институтогенеза (North, 2005; Aoki, 2011; Brousseau, Garrouste, Raynaud, 2011; Boyer, Petersen, 2012).

смысл и предназначение институтов – в первую очередь, создание возможностей и расширение степеней свободы акторов; в таком смысле *институты* – это *освобождающие социальные устройства* с функцией максимизации свободы действий. Именно на этом принципе построена концепция инклюзивных институтов, которые прежде всего выполняют позитивные функции – позволяют и поощряют, разрешают и гарантируют, способствуют и стимулируют (Acemoglu, Robinson, 2012)¹¹. В свою очередь А. Грейф даже абсолютизирует позитивную трактовку институтов, которые в его концепции только направляют, поддерживают и мотивируют экономическое поведение (Greif, 2006. Р. xv, 30). Это все же не вполне корректно: приуменьшать значение ограничительной стороны институтов также не следует. Попытки преодоления ограничительно-разрешительного дуализма в изучении институтов пока что трудно назвать как массовыми, так и результативными: можно упомянуть лишь варианты интерпретации институтов как разрешающих ограничений (Czech, 2014) или переноса акцента на более значимую функцию ориентации действий агентов (Cardinale, 2018). Поэтому крайне важно вывести на передний край дискуссий об институтах их полифункциональность, функциональную переплетенность и многоцелевой характер отдельных функций.

Излишне категоричные разграничения различных аспектов и форм институтов и их (зачастую имплицитное) противопоставление – еще одно пагубное следствие Стандартной модели, нуждающееся в преодолении. Типологии и классификации институтов при всей их полезности не должны превращаться в попытки проводить четкие границы там, где их в принципе не существует. Речь идет, в частности, о дихотомиях формальных и неформальных¹², инклюзивных и экстрактивных (Acemoglu, Robinson, 2012), быстро и медленно меняющихся (Roland, 2004) институтов, которые рассматриваются в качестве инкапсулированных (изолированных друг от друга) кластеров. Напротив, в постинституциональной парадигме институты должны быть представлены не квазиавтономными элементами, а *интерактивными комбинациями* («смесями» / «сплавами» / «сборками») статусов, правил, практик, ментальных моделей и организационных форм, неразрывно переплетенных и взаимосвязанных, но при этом сохраняющих органичную эклектичность¹³.

¹¹ Вместе с тем, выделение таких институтов в особый класс не стоит абсолютизировать, т.к. позитивные (в том числе инклюзивные) функции присущи любым институтам, хотя и в разной степени.

¹² Иногда излишне жесткое разделение формальных и неформальных институтов критикуется (Hodgson, 2006; Кирдина, 2013), но все же эта дихотомия продолжает широко применяться и в учебниках, и в научных работах, напоминая популярную псевдонаучную идею об автономной работе левого и правого полушарий головного мозга человека.

¹³ Аналогичный процесс преодоления методологических дихотомий начался и в поведенческой экономике, где основное внимание приковано к выходу за пределы дуализма быстрых и медленных когнитивных процессов (Herrmann-Pillath, 2018).

Традиционной для Стандартной модели дихотомией является оппозиция экзогенной и эндогенной трактовок институтов¹⁴. Дихотомии могут быть удобны и иногда даже полезны в частных аналитических целях, но их не следует воспринимать буквально. Дуализм макро- и микроподходов по сути основан на искусственном разрыве систем и их элементов. Противопоставление поведения агентов ограничивающим это поведение институтам сохраняет свою теоретическую ущербность даже если заменить эту дихотомию другой, более нюансированной: например, можно говорить об антитезе микродействий, аккумулирующихся в макроструктуры, и макроструктур, задающих рамки микродействиям¹⁵. Безусловно, такой «диалектический» подход эвристически более продуктивен, чем понимание институтов лишь как экзогенной причины поведения акторов. Но в любом случае это категоричные дихотомические суждения, сосредотачивающие внимание на различиях, разграничениях и контрастах. Перспектива изучения институтов состоит не в противопоставлении их функций, аспектов или форм, а в осмыслении их принципиальной неразрывности и панорамы взаимосвязей. В этом смысле консервативное сохранение дуализма эндо- / экзогенных интерпретаций ошибочно с любой точки зрения, поскольку механистичная причинно-следственная парадигма практически неприменима к изучению институциональной сложности. Постинституционализм должен отвергнуть такие редукционистские объяснения, особенно в их экстремальных версиях. Важно признать, что экзогенный и эндогенный подходы к анализу институтов являются лишь внешне альтернативными, а по существу взаимодополняющими методологиями. Такая позиция должна получить более широкое распространение среди постинституционалистов; по меньшей мере исследователи должны стремиться *рассматривать микро- и макроаспекты институтов и институциональных изменений в единой теоретической рамке*.

2. *От институтов per se – к институциональным ассамбляжам и бриколажу*. Редукционистские и изоляционистские представления в современных общественных науках стремительно утрачивают свое былое влияние. Наиболее перспективным становится изучение институтов в методологической оптике теории сложности. Более того, именно *институциональная сложность должна стать исходным пунктом разворачивания исследовательской программы постинституционализма*. Анализ (особенно измерение и моделирование) влияния институтов как обособленных факторов экономического развития – интереснейшая исследовательская задача, однако ее роль не стоило бы переоценивать. Напротив, следует поступательно отказываться от сильных допущений о (безусловно, относительной) дискретности инсти-

¹⁴ Эта дихотомия обозначается также как макро – микро, структура – действие (structure – agency), институты-как-правила – институты-как-равновесия, хотя полного соответствия между ними, безусловно, нет.

¹⁵ Таковы, в частности, трактовки институтов как механизмов социального порядка, не только управляющих поведением своих агентов извне (макро-подход), но и формирующихся в ходе агрегирования индивидуальных паттернов мышления и поведения (микро-подход) (Hindriks, Guala, 2015; Hashimoto, Nishibe, 2017).

тутов и рассматривать их в качестве (и в контексте) сложных эволюционирующих систем¹⁶.

Институциональная сложность на макроуровне чаще всего описывается с помощью понятий институциональных структур, систем, матриц (Gregory Hayden, 2017; Kirdina-Chandler, 2017) и экосистем (Hashimoto, Nishibe, 2017), причем наиболее часто они используются в качестве синонимов (эта традиция восходит к бестселлеру Норта: North, 1990). В своих поздних работах Норт указывал на важность изучения «возводимых» людьми «строительных лесов» (scaffolds) – сложносоставного социокультурного контекста, в котором возникают и развиваются институты (North, 2005. P. 47-48). Но еще более перспективным видится целенаправленное изучение *институциональных ассамбляжей* (assemblages)¹⁷ как гетерогенных систем экстериорного типа¹⁸, элементы которых достаточно автономны и функционально избыточны (не являются незаменимыми)¹⁹. Избыточность (Koontz et al., 2015), разнообразие и пересечение функций институциональных элементов – одна из важнейших черт ассамбляжей, которая обеспечивает их адаптивность в условиях неэргодичной среды. Институциональные ассамбляжи, как и традиционные (интериорные) системы, характеризуются эмерджентностью (несводимостью к сумме свойств элементов), однако, в отличие от них, не образуют единой целостности²⁰. Неоднородность и множественность параллельно действующих институциональных логик²¹ являются ключевыми свойствами ассамбляжей, а перенос акцента на них означает *принципиальный отказ от понимания сложных институциональных систем как интегрированных целостностей, состоящих из органично связанных частей*.

Необходимость такого методологического шага иллюстрируют (пока немногочисленные) примеры количественной оценки институциональной сложности. Так, использование водных ресурсов залива Сан-Франциско (Калифорния, США) параллельно регулируется более чем ста институтами (включая нормы обычного права) и десятками субъектов – от местных и ре-

¹⁶ В этой связи очень перспективными представляются попытки объединения подхода теории сложности и методологии эволюционной экономики (Маевский и др., 2017; Robert, Yoguel, Lerena, 2017; Rosser, Rosser, 2017) в эволюционно-синергетическую или сложно-эволюционную парадигму, которую следовало бы активнее применять для изучения институциональных систем.

¹⁷ Перевод этого термина как «сборка» представляется нам недостаточно точным.

¹⁸ В свою очередь, системы интериорного типа основаны на сильных связях элементов и их критической значимости для единства системы; элементы в таких традиционных системах буквально «сплавлены в единую массу» (Харман, 2017. С. 11).

¹⁹ Предлагаемое понимание институционального ассамбляжа базируется на нео-ассамбляжной теории М. Деланда, в значительной степени порывающей с традиционными взглядами Делеза-Гваттари (см. подробнее: DeLanda, 2016).

²⁰ Поэтому по отношению к традиционным сложным системам (интериорного типа) *ассамбляжи можно считать сверхсложными институциональными системами*.

²¹ Микроаналитическая концепция плюрализма институциональных логик (Greenwood et al., 2011), на наш взгляд, нуждается в универсализации и обладает потенциалом применения к изучению институциональных ассамбляжей любого масштаба.

гиональных властей до ассоциаций, партнерств и групп влияния. Этот случай отнюдь не уникален, а, скорее, репрезентативен для экономических систем локального масштаба (Lubell, Robins, Wang, 2014) и это яркий пример *институционального ассамбляжа – неоднородной системы функционально переплетенных и пересекающихся институтов, управляемых различными институциональными логиками*. Именно к ассамбляжам исследователи относят, в частности, сложные системы институтов, поддерживающие частно-государственные партнерства и транснациональные коллаборации, которые «выходят за границы формального институционального мира» (Sassen, 2018. P. 9). К ним с полным основанием можно отнести также платформы, кластеры и коллаборативные сети (Lubell, 2015; Bodin, 2017). Эти и многие другие институциональные ассамбляжи – системы гетерогенные, гибридные, полицентричные, сочетающие слабо согласуемые логики и порядки (междисциплинарные, межсекторные, межотраслевые, межведомственные и др.), поэтому неизбежно фрагментированные, внутренне противоречивые, функционально дублирующиеся, но, наряду с этим, пластичные, адаптивные и интерактивные. Их исследования явно нуждаются в интегративной теоретической рамке, объединяющей альтернативные подходы.

На микроуровне описание и объяснение институциональной сложности перспективно на основе концепции бриколажа, которая является сейчас одной из центральных идей постинституционального дискурса. *Бриколаж (или крафтинг)*²² *представляет собой эволюционный процесс формирования институтов «снизу» непрофессиональными акторами из разнообразных элементов в условиях перманентных ресурсных ограничений*, когда обычные, репрезентативные акторы действуют, «используя подручные средства, ...с помощью репертуара причудливого по составу, обширного, но все же ограниченного» (Леви-Строс, 1999. С. 126). Фокусировка на бриколаже предполагает перенос акцента анализа на инкрементные институциональные инновации, встроенные в повседневную практику акторов, которые осуществляются посредством экспериментов, заимствований, модификаций, реинтерпретаций, рефункционализаций и рекомбинаций всех доступных институциональных ресурсов различного происхождения и назначения. К таким ресурсам относятся, в частности, практики, нормы закона и обычного права, представления и дискурсы (Cleaver, de Koning, 2015), культурные артефакты и символические ресурсы (Harrison, Corley, 2011), формы организации и мо-

²² Концепцию крафтинга Э. Остром следует признать наиболее ранней версией концепции институционального бриколажа. Остром выделяла две ключевых черты крафтинга институтов – кустарность (*artisanship*) этого процесса, то есть его осуществление обычными агентами (непрофессионалами), и его непрерывность, то есть эволюционный характер, постоянное повторение этапов проб, ошибок, их устранения и новых проб (Ostrom, 1992. P. 41). Кливе критикует концепцию крафтинга, считая, что в ней акцент неявно сделан на целенаправленности и рациональности создания институтов, тогда как в реальности это беспорядочный, небрежный, даже «грязный» процесс (Cleaver, 2001. P. 29). С этой критикой в целом можно согласиться, хотя отдельные уязвимости концепции крафтинга являются следствиями ее постановочного, рамочного характера.

дели организационной структуры (Perkmann, Spicer, 2014) и т.д. Исходным материалом для бриколажа являются существующие и существовавшие в прошлом институты (Cleaver, 2001. P. 28; Greif, Kingston, 2011. P. 39). Важно, что концепция бриколажа позволяет лучше понять предселекционную стадию институциональной эволюции (Campbell, 2004. P. 71-73).

Бриколаж представляет собой органичный процесс для сверхсложных институциональных систем (ассамбляжей), имеющий гораздо более широкое распространение, чем целенаправленное проектирование профессиональными акторами институтов с заданными функциями. Это своего рода *малое институциональное предпринимательство* – креативный процесс шумпетерианских рекомбинаций имеющихся институтов, их доработки и расширения функционала для использования в новых ситуациях. Бриколажу подвергаются любые действующие институты, поэтому, в терминах концепции обитаемых институтов, главным вопросом является то, какими способами акторы «заселяют» институциональные системы (Delbridge, Edwards, 2013). Добавим, что акторы не просто «заселяют», но также постоянно «ремонтируют», «достраивают» и «перестраивают» свои институты. Такие бриколажные процессы ничуть не менее важны, нежели реформы институтов «сверху» или лоббирование институциональных изменений «снизу» группами интересов, однако в Стандартной модели бриколажу все еще не находится места²³.

3. *От дисфункций институтов – к институциональным клуджам и аномалиям.* Процессом, неразрывно связанным с бриколажем, является клуджинг, то есть формирование *институциональных клуджей* (kludges) – институтов с низкой или минимально приемлемой функциональностью для преодоления конкретных проблем. Клуджи «компенсируют, но не устраняют фундаментальную неэффективность дизайна» (Ely, 2011. P. 210) институтов и институциональных систем; это паллиативные, дешевые решения локальных задач, движимые краткосрочной перспективой (Clark, 1987. P. 277). Институциональные клуджи – институты с нечетким функционалом, возникающие на основе многочисленных итераций, проб и ошибок, модификаций и отладок в процессе использования; это неоднородные, персистентные структуры, накапливающие преимущества и недостатки всех своих промежуточных версий, далекие от логической завершенности и требующие постоянных коррекций. Концепция клуджинга акцентирует сам факт (а не оптимальный способ) осуществления институтами определенных функций в условиях множественных ограничений, сдвигая на задний план вопросы об их эффективности, элегантности, рациональности и уделяя главное внимание гибкости, пластичности, отзывчивости к изменениям. Поэтому клуджинг не должен ассоциироваться с дисфункциями институтов в их негативном смысле; это, скорее, процесс создания *функциональных дисфункций*²⁴, процесс в вы-

²³ Это – результат затянувшегося преобладания нисходящей парадигмы (top-down perspective) в теории институциональных изменений (Sotarauta, 2017).

²⁴ Наглядный пример институционального клуджа городского масштаба описан в работе (Chattaraj, Walton, 2017).

сокой степени творческий, экспериментальный и адаптивно эффективный, который в современных условиях роста неэргодичности и неопределенности получает широкое распространение²⁵.

Излишним допущением о природе институтов является приписывание им идеалистической функциональности, предполагающей, что «функция социальных институтов состоит в гармоничной работе на благо общества» (DeLanda, 2006. P. 8). Стандартная модель опирается на убежденность в существовании идеально эффективного состояния экономической системы и ее отдельных институтов. Результатом является доминирование среди институционалистов – ученых, экспертов и практиков – дисфункционального мышления, которое (несмотря на явные неоклассические корни) лежит в основе институционалистских рекомендаций в области экономической политики. Основой такого образа мышления является нозоцентрическая парадигма – одностороннее восприятие дисфункций институтов как патологических отклонений от их оптимума²⁶. Упрощенная дихотомия «плохих» и «хороших» институтов²⁷, как и сугубо негативная трактовка любых институциональных аномалий²⁸ – прямое следствие длительного доминирования нозоцентрической парадигмы в Стандартной модели. *Постинституционализм должен совершить переход от нозоцентрической к нормоцентрической парадигме*²⁹: с точки зрения последней, все дисфункции институтов (и, шире, аномалии) являются вариациями их нормального состояния или формами проявления «индивидуализированной» траектории развития³⁰. Они – не столько сбои или дефекты, сколько особенности или даже преимущества этих институтов. Более того, *институциональные аномалии – это и есть основной продукт институциональной сложности*. Растущее усложнение институтов и институциональных систем объективно и закономерно превращает их в ассамбляжи, для которых нормальны и естественны бриколаж, клуджи и аномалии. И чем выше уровень сложности экономики и общества, тем больше число институциональных аномалий и тем более многообразны их конкретные формы. Именно поэтому дисфункциональные институты становятся все более ти-

²⁵ Более того, можно предположить, что уже в ближайшем будущем большинство институтов будет принимать клуджеобразные (kludge-like; термин – O'Malley, 2009. P. 383) формы, что особенно важно учитывать для адекватного понимания институциональных ассамбляжей гибридного типа (см., например: Scaraboto, 2015; Vining, Weimer, 2016).

²⁶ И это – типичный «нирванский» подход (Demsetz, 1969), в котором «слишком много отсылок к “естественному” и “нормальному”» (Veblen, 1898. P. 381).

²⁷ Ее конкретными формами являются, например, противопоставление порядков открытого – ограниченного доступа и инклюзивных – экстрактивных институтов (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011; Acemoglu, Robinson, 2012).

²⁸ К *институциональным аномалиям* относится широкий спектр явлений, негативно маркируемых в Стандартной модели, включая дефекты, провалы, коллапсы и захваты институтов, институциональные диссонансы, ловушки, вакуум, разрывы и т.д.

²⁹ См. подробнее об этих парадигмах в медицинской науке: Henly, Wyman, Gaugler, 2011; Mezzich et al., 2016.

³⁰ В этой связи потребуются серьезное переосмысление логики возникновения адаптивно неэффективных институтов и институциональных систем.

пичным явлением в экономике, политике и других сферах (см., например: Prakash, Potoski, 2016).

4. *От дихотомии «правил игры» и «игроков» – к институтам как стейкхолдерским сообществам.* Сложные институциональные системы бессмысленно изучать как пустые «черные ящики», лишенные субъектности и четко отграниченные от среды; этот подход антисистемен и чрезмерно абстрактен. Попытки преодоления догматики Стандартной модели существуют, однако их трудно признать успешными: к ним можно отнести, например, мезоаналитическое принятие во внимание групп носителей институтов и акцент на их коэволюции со своими институтами (Elsner, 2007) или попытки проникновения «внутри институтов» и изучения роли индивидов в эволюции внутриорганизационных институциональных структур (Figart, 2017). Более того, необходимые теоретические сдвиги должны быть связаны не только с учетом агентских факторов. Постинституционализму потребуются гораздо более комплексные изменения.

Во-первых, фокус институционального анализа целесообразно *сместить с индивидуальных агентов на социальные группы и, в частности, на сообщества.* Если организации (группы, базирующиеся на разделяемых целях и интересах) в Стандартной модели обычно рассматриваются как «игроки», то сообществам – слабо структурированным группам, объединенным общими ценностями и идентичностью, – традиционно не уделяется особого (точнее, никакого) внимания. Вместе с тем, экономика идентичности и стратификационная экономика уже позиционируют такие социальные группы в качестве ключевых объясняющих переменных институциональных процессов (Akerlof, Kranton, 2010; Davis, 2015). Близкой по духу является также идея интеграции социальных движений (movements) в институциональный анализ, причем важно, что авторы особо отмечают роль виртуальных движений, основанных на общей идентичности (Schneiberg, Lounsbury, 2017). В идеале *сообщества как дисперсные акторы институциональных изменений* должны стать неотъемлемым компонентом любых исследований институтов.

Во-вторых, особое внимание необходимо уделять внешним акторам, что потребует содержательной ревизии традиционной дихотомии «правил игры» и «игроков». Безусловно, многие институционалисты прекрасно осознают, что правила игры – это очень упрощенная метафора институтов (см., например: Leftwich, 2010. P. 95), но она продолжает распространяться и оказывает огромное деструктивное воздействие на исследовательское сообщество в целом. В этой связи сама метафора нуждается в пересмотре. *Для того, чтобы адекватно понимать логику эволюции «правил игры», нужно перестать изолировать их не только от «игроков», но и от других внутренних и внешних акторов*³¹, в том числе представляющих другие «игры» (то есть

³¹ Роль игроков в изменении правил игры в Стандартной модели слишком недооценивается, хотя в истории спорта (откуда и произошла эта аналогия) множество примеров доказывает обратное. Например, существуют многочисленные случаи введения поправок к правилам баскетбола (НБА), вызванных особенностями игры отдельных игроков и неофициально называемых по их фамилиям (таковы правила Майкана, Чемберлена, Баркли,

сферы с альтернативными институциональными логиками)³². Институты должны рассматриваться как стейкхолдерские сообщества, включающие не только внутренних, но и внешних акторов, прямо и косвенно связанных с этими институтами. Ключевым методологическим моментом при этом является учет тесной сетевой взаимосвязанности и динамичности взаимодействий стейкхолдеров (в отличие от их традиционного дискретного и статичного представления; см.: Hillebrand, Driessen, Koll, 2015). Каждому институту соответствует не просто «группа вовлеченных индивидов» (Hodgson, 2006. P. 7), а сообщество – гетерогенная сеть многочисленных, взаимодействующих между собой внутренних и внешних стейкхолдеров с разнообразными и изменяющимися интересами, стратегиями, убеждениями и ожиданиями³³.

В-третьих, институты и их стейкхолдерские сообщества должны рассматриваться как компоненты локализованных в пространстве экосистем – *институциональных конфигураций*. Это – *институциональные, агентские и средовые факторы, взятые в их непрерывном взаимодействии* (Фролов, 2016). Конфигурационный подход смещает акцент на внутреннюю сложность институциональных систем и их интерактивную связь с акторами и средой. Такая аналитическая фокусировка позволяет преодолеть свойственную Стандартной модели макро – микро дихотомию (несводимость холизма и индивидуализма)³⁴. Институциональные конфигурации всегда имеют пространственно-специфичный характер и, как теоретический инструмент, обладают мощным эвристическим потенциалом, создавая возможность перехода от деконтекстуализированного анализа институтов (Martin, Sunley, 2015) к их пространственному «погружению», изучению локальных процессов, форм и эф-

О’Нила, Джордана, Таккера и др.). В хоккее (НХЛ) таких примеров также немало: достаточно упомянуть правило Бродера (Brodeur rule), ограничившее зону контроля шайбы вратарем за воротами, или правило Бобби Халла (Bobby Hull rule), регламентировавшее максимальную величину изгиба клюшки.

³² Так, система видеопомощи арбитрам (VAR), введенная в футболе в 2018 г., возникла под влиянием практики использования видеоповторов в хоккее, баскетболе, волейболе, бейсболе, американском футболе и других спортивных играх.

³³ Содержательно стейкхолдеры ничем не отличаются от акторов, однако этот термин нагружен полезной коннотацией: в него исходно «вшита» неразрывность внутренних и внешних акторов. Добавление в аналитическую рамку внешних стейкхолдеров могло бы создать новый импульс развитию институциональной теории. Неявно этот процесс уже начался. Так, роль внешних стейкхолдеров в трансплантации институтов хорошо иллюстрирует пример британских колоний в Африке в период деколонизации, когда оставшиеся на административной работе британские колониальные служащие стали ключевым фактором успешной «приживаемости» импортированных институтов, поскольку способствовали распространению соответствующих традиций, практик и убеждений. В. Зейдлер констатирует, что роли и функции акторов в процессе копирования институтов по сути являются «белым пятном» в институционалистской литературе (Seidler, 2018). Этот вывод в полной мере относится и к пониманию роли стейкхолдеров в других институциональных процессах.

³⁴ Аналогичный прием используется в междисциплинарной концепции «действия в ситуации» (situated agency), но в ней рассматриваются только агентские и средовые факторы (Weichold, 2018).

фектов «укорененности». Среди перспективных научных задач в этом направлении выделяется переосмысление концепции институциональной плотности³⁵, поскольку именно локальный уровень устойчивости институтов имеет критическое значение для эффективности государственного управления.

5. *От минимизации транзакционных издержек – к максимизации транзакционной ценности.* В тесных рамках Стандартной модели транзакционные издержки по традиции рассматриваются как экономический аналог механического трения (Williamson, 1985. Р. 2), понимаемого в смысле вредного сопротивления, препятствующего развитию экономики, а подчас и полностью его блокирующего (Arrow, 1983. Р. 133-134). Минимизация этих издержек является главной функцией экономических институтов (Williamson, 1985. Р. 17) и центральной проблемой новой институциональной теории (Rosser, Rosser, 2017. Р. 426). При этом наблюдается странная традиция изучения транзакционных издержек «вообще», то есть отождествления их общих и удельных видов³⁶. Но ведь очевидно, что снижение удельных транзакционных издержек может (парадоксальным для Стандартной модели образом) сопровождаться повышением уровня общих транзакционных издержек за счет роста сложности экономической системы, количества агентов и частоты транзакций. В свою очередь, курс на минимизацию (общих) транзакционных издержек обычно ведет к снижению адаптивной эффективности и институциональной сложности системы, тем самым создавая скрытые барьеры для ее развития в долгосрочной перспективе. Создание новых шumpетерианских комбинаций неизбежно влечет рост совокупных транзакционных издержек и это – отнюдь не результат дисфункций институтов, как иногда кажется с позиций Стандартной модели³⁷. Напротив, функция институтов состоит в минимизации удельных транзакционных издержек в краткосрочной перспективе и стимулировании роста сложности системы – в долгосрочной, что неизбежно сопровождается повышением уровня общих транзакционных издержек (Фролов, 2011). *Примитивное «минимизационное» понимание функциональности институтов должно быть изъято из постинституционального дискурса (и чем раньше это удастся сделать, тем лучше)*³⁸.

³⁵ См. первую попытку движения в этом направлении: Zukauskaite, Trippl, Plechero, 2017.

³⁶ Только Д. Аллен в своем уже раритетном обзоре (Allen, 2000) упомянул удельные транзакционные издержки (per unit transaction costs), но по неясной причине рассматривал их как аналог переменных, меняющихся пропорционально изменениям объема транзакций.

³⁷ Например, рост уровня транзакционных издержек в системе иногда объясняется скачком уровня ее сложности, к которому в краткосрочном периоде не успевают адаптироваться сложившиеся институты (Hartwell, 2017. Р. 176).

³⁸ Впервые идея производительности транзакционной функции, объединяющей разнообразные транзакционные виды деятельности, была сформулирована еще в работе (Wallis, North, 1986), но затем подверглась радикальному упрощению в целях развития формального моделирования транзакционных издержек. Следствием этого стало закрепление в Стандартной модели логически противоречивой позиции, когда, с одной стороны,

Критикуя Стандартную модель в области теории транзакционных издержек, Э. Заяц и Ц. Олсен констатировали, что в ее основу заложено фундаментальное искажение – избыточный акцент на минимизации издержек при почти полном игнорировании максимизации транзакционной ценности (Zajac, Olsen, 1993. P. 132). По их мнению, на практике очень часто наблюдаются ситуации, когда логика принятия решений с позиций экономии на транзакционных издержках не срабатывает (Op. cit. P. 137). Более того, сейчас такая логика вообще становится нерелевантной степени сложности экономики, когда цепочки создания стоимости сменяются экосистемами и платформами, фирмы трансформируются в дисперсные сообщества, а ключевую роль приобретают сетевые ресурсы. Но если Заяц и Олсен рассматривали свою концепцию только лишь как альтернативную рамку для анализа стратегий межорганизационных взаимодействий, то постинституциональный подход состоит в целенаправленном расширении сферы ее действия и *переносе акцента с минимизации транзакционных издержек на максимизацию транзакционной ценности* – совокупности различных позитивных эффектов для участников экосистемы транзакций. В Стандартной модели все внимание приковано к институтам, обеспечивающим низкокзатратное осуществление транзакций (North, 1992. P. 9), тогда как в постинституциональной концепции критически важная роль отводится институтам, повышающим качество связей, сделок и отношений акторов. Конечно, рост качества экономических взаимодействий объективно требует затрат ресурсов, но они должны рассматриваться не как вынужденные расходы (транзакционные издержки), а как выгодные *транзакционные инвестиции*. Эта новая фокусировка смещает дискуссии с краткосрочных минимизационных задач на вопросы стратегической оптимизации объема и структуры такого рода вложений, направленных на стимулирование роста институциональной сложности экономики.

б. *От неodarвинизма – к эво-дево-парадигме институциональной эволюции*. После пересмотра одного из фундаментальных для Стандартной модели постулата о статичности и инерционности институтов, давно уже ставшего общим местом в работах институционалистов (см. подробнее: Olsen, 2009), важнейшим вызовом для постинституционализма является утрата неodarвинистской парадигмой³⁹ статуса монополии в объяснении эволюционных процессов. Стандартная модель имплицитно базируется на идеях универсального / обобщенного (нео)дарвинизма, используя в качестве ключевых объясняющих факторов институциональной эволюции триаду наследственность⁴⁰ – изменчивость – отбор. Однако быстрый прогресс эволюционной биологии развития (ее общепринятое сокращение – эво-дево) внес революционные коррективы в превалирующее неodarвинистское понимание биоло-

признается позитивная роль транзакционных профессий и отраслей, а, с другой, они же позиционируются в качестве главных генераторов роста транзакционных издержек.

³⁹ Ее также называют Современным синтезом.

⁴⁰ Включая такие конкретные формы, как path dependence, lock-in, репликация и др.

гической эволюции, что требует радикального переосмысления эволюционной картины мира и в институциональной экономике.

Во-первых, хотя макроэволюция представляет собой агрегированный и эмерджентный результат микроэволюции, но их механизмы принципиально различны, поэтому эво-дево стимулирует отказ от микроредукционистских идей, свойственных неodarвинизму и, в частности, Стандартной модели, особенно теоретико-игровым концепциям институтов (Liagouras, 2017. P. 813-817). Становится необходимым более системный (но не холистический) многоуровневый анализ, учитывающий всю систему межуровневых связей, а не концентрирующийся на роли отдельных уровней (микро-, мезо- или макро-) или их бинарном взаимодействии. Соответственно, восходящие (bottom-up) и нисходящие (top-down) подходы к изучению и проведению институциональных изменений нуждаются в объединительной теории, что в полной мере соответствует парадигме постинституционализма.

Во-вторых, модульность в эво-дево рассматривается как основной принцип эволюционного формирования сложных структур, причем рост сложности и разнообразия предполагает избыточность и относительную независимость образующих эти структуры элементов. Напрашивается явная аналогия с институциональными ассамбляжами, которые должны стать приоритетными объектами анализа в постинституционализме.

В-третьих, в парадигме эво-дево инновации выступают главным образом результатом модификации существующих анатомических структур и «освоения» многофункциональными генами развития новых функций. Вновь стал актуальным тезис нобелевского лауреата Ф. Жакоба, согласно которому эволюция подобна не инженерии, а ремесленничеству: у нее нет четкого плана, она ничего не создает с нуля, но имеет дело с тем, что уже есть, комбинируя разные элементы и меняя их функции (Jacob, 1977. P. 1164). Это очень напоминает описание институционального бриколажа⁴¹, включение которого в аналитическую призму и дало толчок к формированию постинституционализма.

В-четвертых, эво-дево провозглашает отказ от противопоставления организма и среды, объединяя их в единую концептуальную рамку – систему развития (developmental system), – представляющую собой организм, «укорененный» в среде, точнее, в широком «контексте развития», который традиционно рассматривался как неподконтрольная, автономная, внешняя среда (Griffiths, Stotz, 2018). Более того, в теории конструирования ниши, одной из главных опор парадигмы эво-дево, организмы не просто пассивно подвергаются давлению отбора со стороны среды, но и сами активно влияют на ближнюю среду, трансформируя ее в соответствии со своими потребностями, ведя (на уровне вида в целом) отбор факторов среды и передавая сформированную экологическую нишу другим поколениям, тем самым меняя направленность эволюционных изменений (Laland et al., 2015). Курс на глубокую

⁴¹ Более того, в статье «Эволюция и ремесленничество» Жакоб прямо ссылался на работу Леви-Стросса о бриколаже.

контекстуализацию, то есть «погружение» изучаемых институтов в пространственный контекст, – еще одно важнейшее следствие парадигмы эволюции для постинституционализма. Эти идеи отражены в концепции институциональных конфигураций, акцентирующей принципиальную неразделимость институтов, акторов и пространства, в котором они взаимодействуют и коэволюционируют.

7. *От квазинеоклассической – к (собственно) институциональной экономической политике.* Нормативные рекомендации, предусмотренные Стандартной моделью, включают две версии институционального подхода к экономической политике – дисфункциональную и транзакционную. Первая сводится к обоснованию необходимости государственных интервенций, направленных на корректировку провалов рынка, государства и других институтов с целью их возвращения к исходному «идеальному» состоянию (Harper, 2018; Schmidt, 2018). Вторая предполагает курс на совершенствование институциональной среды путем выбора альтернативных институтов (структур управления транзакциями) по критерию минимизации ими уровня транзакционных издержек. Одним из самых распространенных вариантов применения данной версии является копирование эталонных институтов: обычно это так называемые институты глобального стандарта (Chang, 2011a. P. 478-479), то есть инклюзивные институты свободного рынка и демократии, относящиеся к порядкам открытого доступа и рассматривающиеся в качестве универсальных «рецептов» для любой экономики. По существу обе эти версии resultируют в рекомендациях, практически неотличимых от неоклассических.

В области экономической политики институциональная экономика опасно сближается с неоклассикой. Фактически, результатом многолетней (и уже ставшей ритуальной) критики институционалистами мейнстрима за идеализм, редукционизм, статичность, игнорирование транзакционных издержек и т.д. стала практически аналогичная нормативная программа, предстающая теперь во всей своей величественной беспомощности. Институциональные экономисты выработали убедительные теоретические основания изучения экономических явлений и процессов, но не предложили альтернативы неоклассике в плане хотя бы рамочного руководства по их регулированию. В этой связи перед постинституционализмом возникает серьезнейший вызов, связанный с формированием в полном смысле независимой и альтернативной как неоклассике, так и другим гетеродоксальным направлениям, нормативной программы – руководства к действию для всех участников политического процесса в широком смысле.

Какой будет (пост)институциональная экономическая политика, пока что совсем неочевидно. Очевидно только, что она не будет сводиться к одному универсализированному подходу и должна включать достаточно широкую «палитру» концептуальных альтернатив. Бесспорно, она будет интерактивной и проактивной, направленной на своевременную поддержку самоорганизующихся тенденций и добровольных институциональных инициатив. Безусловно, она должна базироваться на стейкхолдерской парадигме, пред-

полагая разные модели регулятивных действий государства в отношении различных категорий акторов, придавая ведущую роль самоорганизации и обеспечивая их активную вовлеченность в стратегические процессы. Скорее всего, ее основой будет разработка дизайна сложной архитектуры транзакций (по аналогии с архитектурой выбора в поведенческой экономике). По всей видимости она будет нацелена на адаптивную эффективность и перенесет акцент на максимизацию институтами транзакционной ценности. Наконец, можно с уверенностью утверждать, что это будет политика стимулирования конструктивных девиаций, рассматривающая дисфункции (и, в целом, аномалии) институтов как драйверы эволюции, и политика поддержки роста институциональной сложности, признающая ее главным ресурсом, продуктом и ориентиром экономического развития.

Заключение

Постинституционализм не отвергает достижений традиционной и новой институциональной экономики, хотя и подвергает их сомнению. Стандартная модель со всеми ее достоинствами и недостатками – продукт эволюции институциональной мысли, но с течением времени дефекты и уязвимости обнаруживаются чаще и чаще. Становится все более очевидным, что Стандартная модель – это громоздкая, плохо согласованная конструкция, покоящаяся на удобных и привычных теоретических схемах, экстраординарных допущениях и распространенных убеждениях, все хуже объясняющая усложняющуюся институциональную реальность. Преодолеть ее системные недостатки невозможно оставаясь в тисках представлений мейнстримного институционализма. В этом смысле постинституционализм – метафора нового этапа развития институциональных исследований, свободного от сложившихся методологических условностей, конвенций, стереотипов и традиций. Постинституционализм – это институционализм, рефлексивно выходящий за пределы своей догматики, аксиоматики и в целом внутринаучной институционализации.

С постинституциональной точки зрения, институциональная сложность как стартовая линия анализа должна стать опцией по умолчанию для дизайна исследований любых институтов. Разнообразие, неоднородность, комбинаторность, эклектичность, гибридность, изменчивость, пластичность – таковы главные параметры институциональной эволюции и именно они должны быть в центре внимания постинституциональных экономистов. Полиморфизм и полифункциональность институтов, гетерогенность и взаимосвязанность внутренних и внешних акторов, множественность институциональных логик, сочетание избыточности и фрагментарности сверхсложных институциональных систем, важная роль непрофессионалов в институтогенезе – лишь немногие причины того, почему институциональные ассамбляжи, бриколаж, клуджи, аномалии и конфигурации требуют выдвижения на передний план анализа. Конечно, интегрировать их все в единую, универсальную теорию институтов и институциональных изменений – крайне амбициозная за-

дача отдаленного будущего, но ее постановка и обсуждение, возможно, являются безальтернативным вариантом движения за пределы Стандартной модели.

Список литературы

Акерлоф Дж. А., Крэнтон Р. И. (2010). Идентичность и экономика организаций // Российский журнал менеджмента. Т. 8, № 2. С. 107-130. [Akerlof G. A., Kranton R. E. (2010). Identity and the economics of organizations. *Russian Journal of Management*, Vol. 8, No. 2, pp. 107-130. (In Russian).]

Гидденс Э., Саттон Ф. (2018). Основные понятия в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. [Giddens A., Sutton P. W. *Essential Concepts in Sociology*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian).]

Капелюшников Р. И. (2018). О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // Вопросы экономики. № 5. С. 110-128. [Kapeliushnikov R. I. (2018). On current state of economics: Subjective semi-sociological observations. *Voprosy Ekonomiki*, No. 5, pp. 110-128. (In Russian).]

Кирдина С. (2013). Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. № 10. С. 66-89. [Kirdina S. (2013). Methodological individualism and methodological institutionalism. *Voprosy Ekonomiki*, No. 10, pp. 66-89. (In Russian).]

Леви-Строс К. (1999). Первобытное мышление. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика. [Levi-Strauss K. (1999). *The Savage Mind*. Moscow: TERRA – Book club; Republic. (In Russian).]

Маевский В. И., Кирдина-Чэндлер С. Г., Дерябина М. А. (ред.) (2017). Очерки по экономической синергетике. М.: Институт экономики РАН. [Maevsky V. I., Kirdina-Chandler S. G., Deryabina M. A. (eds.) (2017). *Essays on economic synergetics*. Moscow: Institute of Economics, RAS. (In Russian).]

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгафт Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара. [North D., Wallis J., Weingast B. (2011). *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Moscow: Gaidar Institute Press. (In Russian).]

Фролов Д. (2011). Теория кризисов после кризиса: технологии versus институты // Вопросы экономики. № 7. С. 17-33. [Frolov D. (2011). Crisis theory after crisis: technologies versus institutions. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 17-33. (In Russian).]

Фролов Д. (2016). Методологический институционализм 2.0: от институтов – к институциональным конфигурациям // Вопросы экономики. № 7. С. 147-160. [Frolov D. (2016). Methodological institutionalism 2.0: from institutions to institutional configurations. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 147-160. (In Russian).]

Харман Г. (2017). Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. Т. 27, № 3. С. 1-34. [Harman G. (2017). Networks and Assemblages: the Rebirth of Things in Latour and DeLanda. *Logos*, Vol. 27, No. 3, pp. 1-34. (In Russian).]

Acemoglu D., Robinson J. A. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Publishers.

Akerlof G. A., Kranton R. E. (2010). *Identity Economics: How Our Identities Shape Our Work, Wages, and Well-Being*. Princeton: Princeton University Press.

Allen D. W. (2000). Transaction Costs. In: B. Bouckaert, G. DeGeest (eds.). *Encyclopedia of Law and Economics*. Vol. 1. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 893-926.

Aoki M. (2011). Institutions as cognitive media between strategic Interactions and individual beliefs. *Journal of Economic Behavior and Organization*, Vol. 79, No. 1-2, pp. 20-34.

Arrow K. J. (1983). The Organization of Economic Activity: Issues Pertinent to the Choice of Market versus Non-market Allocation. In: *Collected Papers of Kenneth J Arrow*. Vol. 2: General Equilibrium. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, pp. 133-155.

Arts B., Behagel J., Turnhout E., de Koning J., van Bommel S. (2014). A practice based approach to forest governance. *Forest Policy and Economics*, Vol. 49, pp. 4-11.

Bodin O. (2017). Collaborative environmental governance: Achieving collective action in social-ecological systems. *Science*, Vol. 357, No. 6352, pp. 1-8.

Boyer P., Petersen M. (2012). The Naturalness of (Many) Social Institutions: Evolved Cognition as their Foundation. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 8, No. 1, pp. 1-25.

Brousseau E., Garrouste P., Raynaud E. (2011). Institutional changes: Alternative theories and consequences for institutional design. *Journal of Economic Behavior and Organization*, Vol. 79, No. 1-2, pp. 3-19.

Campbell J. (2004). *Institutional change and globalization*. Princeton: Princeton University Press.

Cardinale I. (2018). Beyond Constraining and Enabling: Toward New Microfoundations for Institutional Theory. *Academy of Management Review*, Vol. 43, No. 1, pp. 132-155.

Chang H.-J. (2011a). Institutions and economic development: theory, policy and history. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 7, No. 4, pp. 473-498.

Chang H.-J. (2011b). Reply to the comments on 'Institutions and Economic Development: Theory, Policy and History'. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 7, No. 4, pp. 595-613.

Chattaraj S., Walton M. (2017). Functional dysfunction: Mumbai's political economy of rent sharing. *Oxford Review of Economic Policy*, Vol. 33, No. 3, pp. 438-456.

Clark A. (1987). The Kludge in the Machine. *Mind & Language*, Vol. 2, No. 4, pp. 277-300.

Cleaver F. (2001). Institutional bricolage, conflict and cooperation in Usangu, Tanzania. *IDS Bulletin*. Vol. 32, No. 4, pp. 26-35.

Cleaver F. (2002). Reinventing institutions: bricolage and the social embeddedness of natural resource management. *European Journal of Development Research*, Vol. 14, No. 2, pp. 11-30.

Cleaver F. (2007). Understanding Agency in Collective Action. *Journal of Human Development*, Vol. 8, No. 2, pp. 223-244.

Cleaver F. (2012). *Development through Bricolage: Rethinking Institutions for Natural Resources Management*. New York: Routledge.

Cleaver F. D., de Koning J. (2015). Furthering critical institutionalism. *International Journal of the Commons*, Vol. 9, No. 1, pp. 1-18.

Cleaver F., Franks T. (2005). *How institutions elude design: river basin management and sustainable livelihoods*. BCID Research Paper No. 12. Bradford: Bradford Centre for International Development.

Cleaver F., Whaley L. (2018). Understanding process, power, and meaning in adaptive governance: a critical institutional reading. *Ecology and Society*, Vol. 23, No. 2, art. 49.

Czech S. (2014). Institutions as enabling constraints. A note on social norms, social change and economic development. *Ekonomia i Prawo. Economics and Law*, Vol. 13, No. 2, pp. 309-319.

Davis J. B. (2015). Stratification economics with identity economics. *Cambridge Journal of Economics*, Vol. 39, No. 5, pp. 1215-1229.

De Koning J., Cleaver F. (2012). Institutional bricolage in community forestry: an agenda for future research. In: B. Arts, S. van Bommel, M. Ros-Tonen, G. Verschoor (eds.). *Forest-people interfaces*. Wageningen: Wageningen Academic Publishers, pp. 277-290.

DeLanda M. (2006). *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. New York: Continuum.

- DeLanda M. (2016). *Assemblage Theory*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Delbridge R., Edwards T. (2013). Inhabiting Institutions: Critical Realist Refinements to Understanding Institutional Complexity and Change. *Organization Studies*, Vol. 34, No. 7, pp. 927-947.
- Demsetz H. (1969). Information and Efficiency: Another Viewpoint. *Journal of Law and Economics*, Vol. 12, No. 1, pp. 1-22.
- Elsner W. (2007). Why Meso? On «Aggregation» and «Emergence», and Why and How the Meso Level is Essential in Social Economics. *Forum for Social Economics*, Vol. 36, No. 1, pp. 1-16.
- Ely J. C. (2011). Kludged. *American Economic Journal: Microeconomics*. Vol. 3, No. 3, pp. 210-231.
- Figart D. M. (2017). Introduction to Institutions, Institutional Change, and the Stories. In: D. M. Figart (ed.). *Stories of Progressive Institutional Change: Challenges to the Neoliberal Economy*. London: Palgrave Macmillan, pp. 1-14.
- Greenwood R., Raynard M., Kodeih F., Micelotta E. R., Lounsbury M. (2011). Institutional Complexity and Organizational Responses. *The Academy of Management Annals*, Vol. 5, No. 1, pp. 317-371.
- Gregory Hayden F. (2017). An Evaluation of Institutional Matrices Theory Which Was Designed to Illustrate Differences Between Russian and Western Political Economies. *Journal of Economic Issues*, Vol. 51, No. 2, pp. 467-475.
- Greif A. (2006). *Institutions and the path to the modern economy: Lessons from medieval trade*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Greif A., Kingston C. (2011). Institutions: Rules or Equilibria? In: N. Schofield, G. Caballero (eds.). *Political Economy of Institutions, Democracy and Voting*. Berlin: Springer-Verlag, pp. 13-43.
- Griffiths P., Stotz K. (2018). Developmental Systems Theory as a Process Theory. In: D. J. Nicholson, J. Dupre (eds.). *Everything Flows: Towards a Processual Philosophy of Biology*. Oxford: Oxford University Press, pp. 225-245.
- Harper D. A. (2018). Innovation and institutions from the bottom up: an introduction. *Journal of Institutional Economics* (forthcoming).
- Harrison S. H., Corley K. G. (2011). Clean climbing, carabiners, and cultural cultivation: Developing an open-systems perspective of culture. *Organization Science*, Vol. 22, No. 2, pp. 391-412.
- Hartwell C. A. (2017). Understanding «Development»: Insights from Some Aspects of Complexity Theory. *Homo Oeconomicus*, Vol. 34, No. 2-3, pp. 165-190.
- Hashimoto T., Nishibe M. (2017). Theoretical model of institutional ecosystems and its economic implications. *Evolutionary and Institutional Economics Review*, Vol. 14, No. 1, pp. 1-27.
- Henly S. J., Wyman J. F., Gaugler J. E. (2011). Health trajectory research: a call to action for nursing science. *Nursing Research*, Vol. 60, No. 3, pp. 79-82.
- Herrmann-Pillath C. (2018). Beyond dualities in behavioural economics: what can G. H. Mead's conceptions of self and reflexivity contribute to the current debate? *Journal of Economic Methodology* (forthcoming).
- Hillebrand B., Driessen P. H., Koll O. (2015). Stakeholder marketing: theoretical foundations and required capabilities. *Journal of the Academy of Marketing Science*, Vol. 43, No. 4, pp. 411-428.
- Hindriks F., Guala F. (2015). Institutions, Rules, and Equilibria: A Unified Theory. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 11, No. 3, pp. 459-480.
- Hodgson G. M. (2006). What Are Institutions? *Journal of Economic Issues*, Vol. 40, No. 1, pp. 1-25.
- Jacob F. (1977). Evolution and Tinkering. *Science*, Vol. 196, No. 4295, pp. 1161-1166.

- Johnson C. (2012). Bricoleur and Bricolage: From Metaphor to Universal Concept. *Paragraph*, Vol. 35, No. 3, pp. 355-372.
- Kaplan H. B. (1960). The Concept of Institution: A Review, Evaluation, and Suggested Research Procedure. *Social Forces*, Vol. 39, No. 2, pp. 176-180.
- Kirdina-Chandler S. (2017). Institutional Matrices Theory, or X- and Y-Theory: A Response to F. Gregory Hayden. *Journal of Economic Issues*, Vol. 51, No. 2, pp. 476-485.
- Koontz T. M., Gupta D., Mudliar P., Ranjan P. (2015). Adaptive institutions in social-ecological systems governance: A synthesis framework. *Environmental Science & Policy*, Vol. 53, Part B, pp. 139-151.
- Laland K. N., Uller T., Feldman M. W., Sterelny K., Müller G. B., Moczek A., Jablonka E., Odling-Smee J. (2015). The extended evolutionary synthesis: its structure, assumptions and predictions // *Proceedings of the Royal Society B*, Vol. 282, No. 1813, pp. P. 1-14.
- Langacker P. (2010). *The Standard Model and Beyond*. New York: CRC Press.
- Leftwich A. (2010). Beyond Institutions: Rethinking the Role of Leaders, Elites and Coalitions in the Institutional Formation of Developmental States and Strategies. *Forum for Development Studies*, Vol. 37, No. 1, pp. 93-111.
- Liagouras G. (2017). The challenge of Evo-Devo: implications for evolutionary economists. *Journal of Evolutionary Economics*, Vol. 27, No. 4, pp. 795-823.
- Lubell M. (2015). Collaborative partnerships in complex institutional systems. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, Vol. 12, pp. 41-47.
- Lubell M., Robins G., Wang P. (2014). Network structure and institutional complexity in an ecology of water management games. *Ecology and Society*, Vol. 19, No. 4, pp. 1-14.
- Martin R., Sunley P. (2015). Towards a Developmental Turn in Evolutionary Economic Geography? *Regional Studies*, Vol. 49, No. 5, pp. 712-732.
- Mehta L., Leach M., Scoones I. (2001). Editorial: Environmental Governance in an Uncertain World. *IDS Bulletin*, Vol. 32, No. 4, pp. 1-9.
- Mezzich J. E., Salloum I. M., Cloninger C. R., Botbol M. (2016). Person-Centered Integrative Diagnosis and Its Context. In: J. E. Mezzich, M. Botbol, G. N. Christodoulou, C. R. Cloninger, I. M. Salloum (eds.). *Person Centered Psychiatry*. Cham: Springer, pp. 139-156.
- North D. C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D. C. (1992). *Transaction Costs, Institutions, and Economic Performance*. San Francisco: International Center for Economic Growth.
- North D. C. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton: Princeton University Press.
- O'Malley M. A. (2009). Making Knowledge in Synthetic Biology: Design Meets Kludge. *Biological Theory*, Vol. 4, No. 4, pp. 378-389.
- Olsen J. P. (2009). Change and continuity: an institutional approach to institutions of democratic government. *European Political Science Review*, Vol. 1, No. 1, pp. 3-32.
- Ostrom E. (1992). *Crafting institutions for self-governing irrigation systems*. California: Institute for Contemporary Studies.
- Perkmann M., Spicer A. (2014). How Emerging Organizations Take Form: The Role of Imprinting and Values in Organizational Bricolage. *Organization Science*, Vol. 25, No. 6, pp. 1785-1806.
- Prakash A., Potoski M. (2016). Dysfunctional institutions? Toward a New Agenda in Governance Studies. *Regulation & Governance*, Vol. 10, No. 2, pp. 115-125.
- Robert V., Yoguel G., Lerena O. (2017). The ontology of complexity and the neo-Schumpeterian evolutionary theory of economic change. *Journal of Evolutionary Economics*, Vol. 27, No. 4, pp. 761-793.
- Roland G. (2004). Understanding institutional change: Fast-moving and slow-moving institutions. *Studies in Comparative International Development*, Vol. 38, No. 4, pp. 109-131.

- Rosser Jr. J. B., Rosser M. V. (2017). Complexity and institutional evolution // *Evolutionary and Institutional Economic Review*, Vol. 14, No. 2, pp. 415-430.
- Sassen S. (2018). Embedded borderings: making new geographies of centrality. *Territory, Politics, Governance*, Vol. 6, No. 1, pp. 5-15.
- Scaraboto D. (2015). Selling, Sharing, and Everything in Between: The Hybrid Economies of Collaborative Networks. *Journal of Consumer Research*, Vol. 42, No. 1, pp. 152-176.
- Schmidt P. (2018). Market failure vs. system failure as a rationale for economic policy? A critique from an evolutionary perspective. *Journal of Evolutionary Economics* (forthcoming).
- Schneiberg M., Lounsbury M. (2017). Social Movements and the Dynamics of Institutions and Organizations. In: R. Greenwood, C. Oliver, T. B. Lawrence, R. E. Meyer (eds.). *The SAGE Handbook of Organizational Institutionalism*. London: SAGE Publications, pp. 281-310.
- Segal M. (1986). Post-Institutionalism in Labor Economics: The Forties and Fifties Revisited. *ILR Review*, Vol. 39, No. 3, pp. 388-403.
- Seidler V. (2018). Copying informal institutions: the role of British colonial officers during the decolonization of British Africa. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 14, No. 2, pp. 289-312.
- Spiegler P., Milberg W. (2009). The taming of institutions in economics: The rise and methodology of the “new new institutionalism”. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 5, No. 3, pp. 289-313.
- Sotarauta M. (2017). An actor-centric bottom-up view of institutions: Combinatorial knowledge dynamics through the eyes of institutional entrepreneurs and institutional navigators. *Environment and Planning C: Government and Policy*, Vol. 35, No. 4, pp. 584-599.
- Vargo S. L., Lusch R. F. (2016). Institutions and axioms: an extension and update of service-dominant logic. *Journal of the Academy of Marketing Science*, Vol. 44, No. 1, pp. 5-23.
- Veblen T. (1898). Why is Economics not an Evolutionary Science? *The Quarterly Journal of Economics*, Vol. 12, No. 4, pp. 373-397.
- Vining A. R., Weimer D. L. (2016). The challenges of fractionalized property rights in public-private hybrid organizations: The good, the bad, and the ugly. *Regulation & Governance*, Vol. 10, No. 2, pp. 161-178.
- Wallis J. J., North D. (1986). Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870-1970. Long-Term Factors in American Economic Growth. In: S.L. Engerman, R.E. Gallman (eds.). Chicago: University of Chicago Press, pp. 95-162.
- Weichold M. (2018). Situated agency: towards an affordance-based, sensorimotor theory of action. *Phenomenology and Cognitive Sciences*, Vol. 17, No. 4, pp. 761-785.
- Williamson O. E. (1985). *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets and Relational Contracting*. New York: The Free Press.
- Witt U. (2014). The future of evolutionary economics: why the modalities of explanation matter. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 10, No. 4, pp. 645-664.
- Zafirovski M. (2003). Orthodoxy and heterodoxy in analyzing institutions: Original and new institutional economics reexamined. *International Journal of Social Economics*, Vol. 30, No. 7, pp. 798-826.
- Zajac E. J., Olsen C. P. (1993). From Transaction Costs to Transactional Value Analysis: Implications for the Study of Interorganizational Strategies. *Journal of Management Studies*, Vol. 30, No. 1, pp. 131-145.
- Zukauskaitė E., Tripl M., Plechero M. (2017). Institutional Thickness Revisited. *Economic Geography*, Vol. 93, No. 4, pp. 325-345.